

— Ты дурак, Ремус. Полный и абсолютный дурак, — прогремел голос Минервы Макгонагалл, заставив Ремуса Люпина застыть на полпути к своему сундуку. Собрание вещей для отъезда, подготовка к экзаменам шестого курса — все отошло на второй план. Даже после стольких лет, проведенных вдаль от ее опеки, после целого года, проведенного в качестве ее коллеги, упрек в ее голосе все еще бил его по больному месту. — Надеюсь, я оставил большую часть своих глупостей в прошлом, Минерва, — ответил Ремус, стараясь придать своему голосу легкость. С годами он понял, что юмор может сгладить острые углы. — Некоторые из твоих арестов действительно запечатлелись в памяти, даже если в тот момент тебе так не казалось, — прошипела Минерва, ее недоверие было очевидным. — Я согласна, что в молодости вы с Мародёрами, возможно, и были заводилами, — язвительно бросила она, — но даже Джеймс и Сириус не совершали тогда таких глупых ошибок. — И как же я веду себя глупо? — спросил Ремус, стараясь не показывать своего раздражения. — Очень просто. Сейчас, Ремус, ты занимаешь такое положение, которое не занимал ни один Оборотень за всю мою жизнь, — престиж и уважение. И разве ты пользуешься этим? Борешься ли ты за равенство и понимание, как обещал, когда Альбус, Филиус и я решили взяться за тебя? — ее голос перешел на обвинительный тон. — Нет! Вместо этого ты уходишь при первых признаках проблем! Ремус резко повернулся к ней. — Это нечестно, Минерва, и ты это знаешь. — О? Почему же? — Потому что это не так! Ошеломленная его резким опровержением, Минерва положила руки на бедра, изогнув бровь. Ремус вздохнул, захлопывая крышку сундука. Будь оно все проклято. Но, похоже, не было другого выхода, кроме как выговориться. — Это был невероятный опыт, Минерва. Я буду вечно благодарен за него, — тихо сказал Ремус, садясь на угол своего стола. — Но я считаю, что стал обузой для этой школы. От которой нужно избавиться ради безопасности и благополучия всех, кто в ней находится. Поэтому я пользуюсь нынешним мирным состоянием и исчезаю, чтобы мы все могли лучше помогать Сириусу. — Чушь! — огрызнулась Минерва. — Если ты действительно хочешь помочь Сириусу, то быть учителем тебе не помешает. В прошлом году ты уже полностью переработал все уровни курса; адаптировать их к любым изменениям в учебном плане можно было бы за несколько недель до сентября. Это даст тебе целое лето — почти целых три месяца — чтобы помочь Сириусу встать на ноги, как только Альбус и Амелия очистят его имя. — Но это не учитывает... — Я еще не закончила говорить, Ремус, — прервала его Минерва, шагнув ближе. — Что касается достоинства всех участников... которое, я полагаю, ты имел в виду, говоря о своем предыдущем заявлении... что толку в достоинстве, если оно позволяет злу оставаться неоспоренным и безнаказанным? Ах. Да, в этом была своя логика. Ремус из всех сил старался не замечать ее и продолжал избегать прямого ответа. — Я уверен, что кто бы ни был выбран Альбусом в качестве следующего профессора, он будет более чем компетентен. На самом деле, я слышал, что Аластор, возможно, скоро уйдет на пенсию. Я уверен, что Альбус не упустит шанс привлечь его в качестве примера для подражания для юного Гарри. — О, нет, ты бы не стал, Ремус. Не смей так уклоняться от моего вопроса, — ее морские зеленые глаза, обрамленные воронными волосами, встретились с его. Ремус почувствовал, как его кожу начало покалывать от осязаемого гнева этой женщины. Доказательство того, что женщина перед ним была, без сомнения, вторым по силе человеком во всем Хогвартсе, и не одно. — Мы оба знаем, что ты делаешь, — сказала Минерва, выдавливая из себя слова, словно пережевывая драконью чешую. — Ты напуган и боишься. Боишься, что один из двух твоих секретов выплыв наружу, и это сделает Дамблдора и всех нас мишенями для наших политических противников. Боишься, что Гарри и Сириус попадут под перекрестный огонь. И боишься, что хоть раз в жизни тебе, возможно, придется стоять на своем и действительно противостоять тем, кто будет тебя преследовать. Ремус едва удержался от того, чтобы не вздрогнуть от ее резких слов. Его разум содрогнулся. И, сам того не желая, из глубины его груди раздался рык, когда его внутренний Оборотень зарычал от гнева. — Не смей говорить мне такое, Минерва. Не смей! — Ремус сплунул. — Я всю жизнь сталкивался с дискриминацией за то, кто я есть. Я боролся, спорил и работал против тех, кто навешивал на меня ярлыки или называл недочеловеком, сколько себя

помню. А когда Альбус позвал, во время войны, я стоял палочка к палочке против Пожирателей смерти Волан-де-Морта и скорбел вместе с тобой над телами тех, кто так и не вернулся. После всего этого, что дает тебе право называть меня трусом за то, что я отступаю сейчас? Ведьма непоколебимо смотрела на него. Но ее взгляд смягчился, когда она положила ладони на спинку стоящего рядом стула.— Ведь хотя сейчас я твой друг, Ремус, когда-то я была твоим учителем. И двенадцать лет назад, когда Волан-де-Морт умер и вокруг нас воцарился хаос, я видела, как ты сделал такой же выбор и жил, чтобы пожалеть об этом. Потеря Лили и Джеймса, его растерянность из-за собственных личных проблем и огромное чувство вины за судьбу Питера и Сириуса. Да, она была права. Тогда Ремус сбежал, не желая и не имея возможности встретиться со всем этим лицом к лицу. Но в этот раз все было по-другому. И он так и сказал, начав вышагивать по своему кабинету.

<http://tl.rulate.ru/book/109056/4073384>